

Сибирское учительство в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы социокультурной адаптации*

В последнее время появляется все больше работ, посвященных проблемам развития системы народного образования в Сибири¹. Основываясь как на уже опубликованных исследованиях, так и на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах, попробуем взглянуть на этот процесс через личность учителя, раскрыть те трудности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться «наставникам юношества», оказавшимся в сибирском городе конца XVIII – первой половины XIX в.

Решение кадрового вопроса было одной из главных задач, стоявших перед сибирской школой вплоть до начала XX в. Несмотря на достаточно широкое распространение в Сибири частного образования, при открытии казенных учебных заведений оказалось невозможным обеспечить их квалифицированными педагогическими кадрами из числа местных жителей. По отзывам современников, в конце XVIII в. среди сибиряков часто было трудно найти учителя, знающего арифметическую науку². Поэтому поначалу проблему комплектации штатов открывавшихся по Уставу 1786 г. главных народных училищ решали за счет привлечения на службу получивших образование уроженцев Европейской части страны. По 4 человека, подготовленных в специально созданной в С-Петербурге Учительской семинарии (кроме одного выпускника Киевской академии), были направлены в Тобольское, Колыванское и Иркутское главные народные училища. В малых народных училищах должны были преподавать воспитанники сибирских духовных семинарий, прошедшие подготовку в главных училищах³.

Сразу после открытия народных училищ в Сибири, стали приниматься меры для подготовки своих педагогических кадров: некоторые ученики числились как «кандидаты в учительское звание». Таким был, например, будущий тарский, тобольский и каинский учитель Д.И. Чудинов⁴. Особенно же подготовкой местных

* Опубликовано в: Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2006. – С. 76–95

кадров для работы в школах озаботилось Министерство народного просвещения при Николае I: согласно указу 1828 г., в каждой сибирской губернии должна была открыться гимназия для подготовки как чиновников, так и учителей⁵. В 1856 г. из 26 воспитанников Томской гимназии 6 были «назначены уже для учительского звания», в Тобольской гимназии 10 из 30, в Иркутской – 8 из 28 учеников должны были стать учителями⁶. Таким образом, со временем в числе учителей стало появляться все больше коренных сибиряков. Однако и в середине XIX в. в пополнении педагогического состава городских учебных заведений Сибири выходцы из Центральной России по-прежнему продолжали играть основную роль (Рис. 1).

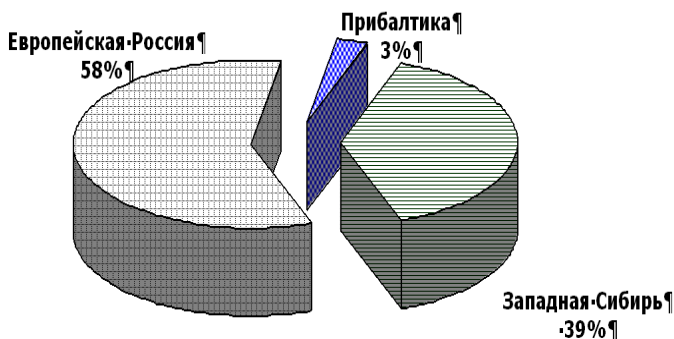

Рис. 1. Региональное происхождение служащих Томской дирекции училищ (1843 г.). Составлено по: ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–8.

Привлечение людей из других мест на службу было возможным благодаря существовавшей системе распределения выпускников вузов. Согласно утвержденному в 1828 г. уставу С-Петербургского главного педагогического института, окончившие курс обучения обязаны были проработать 8 лет в ведомстве Министерства народного просвещения. Выпускникам предоставлялись единовременное пособие в размере годового оклада и месячный отпуск для поездки к родителям, по истечении которого они обязаны были явиться к месту будущей службы⁷. Иногда в Сибирь вызывались ехать и добровольцы: именно так поступил

выпускник Дерптского университета, сын купца первой гильдии Яков Боссе, в 1838 г. вместе с женой вызвавшийся ехать работать в Томскую гимназию учителем немецкого языка⁸. При необходимости штат открывавшихся новых учебных заведений пополнялся также путем перевода опытных педагогов из других мест. Например, старший учитель истории Лукин в 1838 г. был переведен в Томскую гимназию из Тобольской⁹.

По сохранившимся послужным спискам учителей можно подробно проследить служебный путь некоторых из них. Так, двадцатичетырехлетний А.Ф. Глаголев, бывший в 1809 г. единственным учителем в Енисейском училище, происходил из семьи священнослужителя Тульской губернии. Обучался сначала в Коломенской, а потом в Тульской семинариях. В 1806 г. поступил в Санкт-Петербургский императорский педагогический институт, а 1 июня 1808 г. был определен учителем в Енисейск. В должность вступил 1 сентября 1808 г.¹⁰ Девятнадцатилетний Е.Н. Спасков, учитель Енисейского училища в 1818 г., «по неизвестности о законных его родителях», был воспитанником пермского титулярного советника Н.М. Спаскова, который «собственным коштом» обучил мальчика «российской грамоте читать и писать». Потом Е.Н. Спасков обучался в особо учрежденном при Пермской гимназии классе, затем, с августа 1811 г., – в Пермском уездном училище и в Пермской гимназии, по окончании которой в 1817 г. был определен учителем в Енисейское малое народное училище¹¹. Учитель Нарымского малого народного училища А.М. Попов происходил из духовного звания, учился сначала в Томском духовном училище, с 1806 г. – в Тобольской семинарии, по окончании которой в 1812 г. поступил учителем в Нарымское малое народное училище учителем¹².

Среди социальных источников пополнения сибирского учительства в конце XVIII – первой половине XIX в. основную роль играло духовенство (Рис. 2). Из духовного звания происходили все первые учителя трех сибирских главных народных училищ¹³. Среди учителей можно было также встретить выходцев из военных, мещан, купцов и пр. Из купеческих детей происходил, например, учитель Каинского уездного училища Д.И. Чудинов¹⁴.

Одной из сторон кадрового вопроса в сибирской школе была достаточно высокая ротации педагогического состава учебных заведений: например, в конце 1810-х гг. среди учителей Енисейского училища уже нет фамилий тех, кто работал там в 1800-х гг.¹⁵; а в 1840-х гг. основную массу служащих городских учебных заведений Томской дирекции училищ составляла

по преимуществу молодежь (на долю 19–29-летних приходилось 41,7, 30–39-летних – 27,8, 40–49-летних – 25,0 и на тех, которым было за 50, – лишь 5,6 % от числа всех работников)¹⁶. На высокую текучесть педагогических кадров как на одну из особенностей развития образования в Сибири указывают и материалы более позднего периода¹⁷. Это, бесспорно, свидетельствует о недовольстве учителей своей работой и положением в обществе. Приехав в Сибирь и поступив на службу в местное учебное заведение, молодые люди оказывались в совершенно новых для них условиях и вынуждены были приспосабливаться к климату, материальным и бытовым трудностям, традициям и нравам местного общества и даже к самому занятию преподаванием, только приступая к своей профессиональной деятельности.

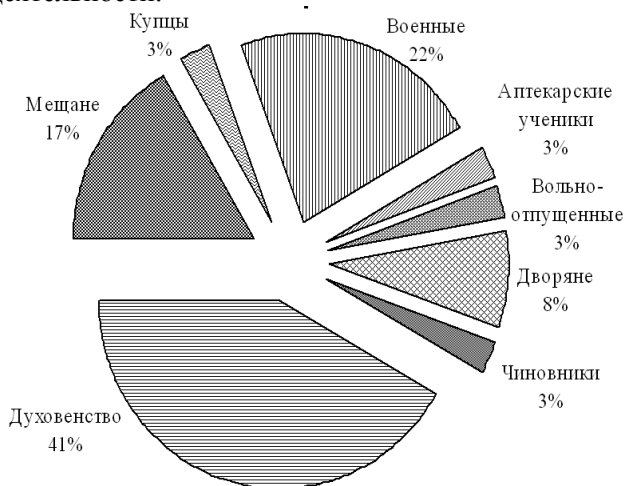

Рис. 2. Социальные источники пополнения служащих Томской дирекции училищ (1843 г.). Составлено по: ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–8.

Одной из главных проблем развития народного образования в целом по России было неудовлетворительное материальное обеспечение учебных заведений. До реформы 1786 г. учителя получали 60–90 руб. в год, после 1786 г. – по 120–140 руб. в год, в зависимости от классов, в которых они преподавали. Однако жалование зачастую задерживалось, а постоянная инфляция в конце XVIII в. понижала покупательную способность рубля.

По штатному расписанию 1804 г., учителя стали получать по 275–750 руб. в год, несколько меньше за Закон Божий – 80–100 руб. в год. Директору училищ причиталось 900–1000 руб. в год. Но данная оплата вводилась только при открытии новых учебных заведений (по Уставу 1804 г.), что на практике сильно затянулось¹⁸. Позже жалование в уездных училищах стало зависеть от принадлежности училища к губернии. В губерниях первого разряда (например, в Томской) на каждое училище полагалось по штату по 1600 руб. в год: штатному смотрителю – 400, каждому из двух учителей – по 300, за наставление в Законе Божьем – 100, за преподавание рисования – 100, на содержание дома и прислуги – 400 руб.¹⁹ В гимназиях в конце 1830-х гг. младший учитель получал 1200, старший – 1800 руб. в год²⁰. Кроме того, в начале XIX в. для учителей был создан пенсионный фонд, и по истечении 20 лет беспорочной службы педагог имел право получать пенсию; после смерти учителя пенсионные льготы распространялись на членов его семьи.

Иногда с выплатой жалования возникали разные недоразумения. Например, переведенный из Тобольской гимназии в Томскую, учитель Лукин обнаружил, что она еще не была открыта, т.е. ему негде было работать и, следовательно, получать жалование. Пришлось направлять прошение на имя директора училищ И.Г. Новотроицкого о выдаче Лукину денег «по той причине, что я не уволен от службы, а переведен и при том не по собственному моему желанию, а по распоряжению высшего начальства»²¹.

Данные по другим регионам России показывают, что в первой половине XIX в. учительская зарплата едва покрывала самые необходимые затраты на жизнь: например, в Новгородской губернии смотритель уездного училища тратил только на питание 87 % своего жалования, преподаватели гимназий – 35–75 %²². При сравнении учительского жалования с существовавшими ценами на продукты питания в Сибири, получается, что учитель вполне мог обеспечить себя и свою семью необходимыми для жизни провизией: в 1830 г. в Красноярске пуд свежей говядины стоил 1,40–1,60 руб., пшеничной муки – 0,55–0,70 руб., ржаной – 0,30–0,40 руб., коровьего масла – 9,00–10,00 руб., топленого коровьего сала – 5,00–5,50 руб., меда – 13,50–14,0 руб.²³ Однако кроме продуктов нужны были также жилье, одежда, книги и пр.

Что касается жилья, то учителя проживали в казенных квартирах с бесплатным освещением и отоплением. Однако эти квартиры, как и здания самих школ,

часто находились не в слишком хорошем состоянии. Вплоть до начала XX в. многие городские школы в Сибири вообще не имели своих зданий и помещались в арендуемых частных квартирах, неудобных для занятий и нередко мало пригодных для жизни (например, некоторые из них не отапливались в холодное время года)²⁴. Вот какими словами описывалось состояние Енисейского малого народного училища в отчете директора Томской дирекции училищ за 1804 г.: «... дом училищный, в коем два покоя и один подклет... весьма обветшалый после случившегося в 1801 г. на 6^е число июля пожара... [и до сих пор] не приведен почин коего ко окончанию»²⁵. Летом 1818 г. нарымский городничий Мыльников доносил директору томских училищ Я.Т. Мензиковскому: «Во время посещения моего здешнего училища замечал я неоднократно... течь по всем стенам во внутренности дома – вероятно от ветхости крыши происходящую, ... также равным образом и печь в комнате ученической, пришедшую от времени вовсе в безнадежность простоять еще зиму, хоть бы то было и с поправками. Сверх сего, рамы... согнившие и едва держащиеся в окнах также потребны новые»²⁶.

В таких помещениях учителям приходилось работать и жить. Если казенная квартира не могла вместить всех нуждающихся, то предполагалось выдавать учителям так называемые «квартирные деньги», на которые они могли бы снимать себе подходящее жилье. Однако, как свидетельствуют документы, далеко не всегда легко было отыскать требующуюся сумму. Например, в 1821 г. учитель Красноярского уездного училища Я. Евтюгин обратился к директору Томских училищ И.Г. Новотроицкому с просьбой о выдаче ему «хотя дров и свеч потребное количество», на что получил предписание разделить холодный и тесный училищный дом вместе с семейством учителя П. Рыбкина²⁷.

Оказавшись в трудной материальной ситуации и непривычных климатических условиях, многие учителя серьезно болели. Сохранившиеся прошения некоторых из них рисуют трагическую картину: уже упоминавшийся П. Рыбкин, служивший в Красноярском уездном училище с 1819 г., к 1824 г. «будучи довольно продолжительно болен, лишился наконец слуха и вдобавок восчувствовал разных родов припадки, которые хотя по временам и были прекращаемы искусством городского лекаря, но при малейшей перемене погоды опять возобновляются»²⁸. В 1839 г. учитель Каинского уездного училища А. Риплянский просил о

переводе его в Грузию в связи с плохим здоровьем, сообщая, что «совершенно простудился» и страдает «болью в груди»²⁹. В прошении об увольнении прослужившего 20 лет учителя Томского уездного училища А.П. Кораблева от 1839 г. говорилось: «...ныне, к сожалению моему, при совершенно расстроенном здоровье своем, одержим будучи и слабым зрением, в доказательство чего имею честь приложить при сем и медицинское свидетельство, я весьма затрудняюсь продолжать род службы моей, а посему всеподданнейше прошу...по случаю болезни от службы меня уволить»³⁰. Бытовыми и материальными трудностями было подорвано здоровье и первого учителя Красноярского малого народного училища Н. Звонникова, скоропостижно скончавшегося в 1792 г.³¹

Однако учителя должны были адаптироваться не только к материальным и бытовым условиям жизни в Сибири, но и к сложившимся в местном обществе отношениям, и это зачастую вызывало не меньшие затруднения. Свидетельства современников указывают на то, что одной из психологических проблем, которые приходилось преодолевать сибирским учителям, было негативное отношение большинства горожан к самой системе государственного народного образования. Особенно это было характерно для начального периода существования сибирской школы, когда мало кто из родителей настаивал на прохождении своими детьми полного курса обучения, не видя в этом практической значимости³². Так, в 1804 г. из 85 учеников Томского малого народного училища 17 человек выбыли, «не окончив совершенного учения, но с таковым знанием, сколько для них от их родителей было нужно», из 9 учащихся Енисейского малого народного училища не окончило курса 4 человека, из 34 учеников Нарымского малого народного училища «выбыло за окончанием курса 10, некончанием онаго 4»³³.

Даже в середине XIX в. многие по-прежнему продолжали избегать образования, «боясь в нем оторванности своих детей от той среды, где они сами выросли», а на попытки некоторых жителей «дать среднее образование своим детям смотрели... ужасно недоверчиво»³⁴. Как отмечал известный сначала тюменский, а затем московский купец из крестьян Н.М. Чукмалдин, многие сибирские купцы «старой закалки» долго сопротивлялись всяким нововведениям в области воспитания и образования, не понимая, зачем их детям нужно получать какие-то новые знания, раз их деды и они

сами вполне благополучно обходились и старыми сведениями и приемами ведения коммерции³⁵.

Подобные запросы горожан, которые хотели научить своих детей лишь элементарной грамотности и счету, скорее удовлетворялись путем обучения у частных учителей, а не в казенной школе. Конкуренция частного и государственного обучения стала одной из проблем развития народного образования в Сибири, негативно отражаясь на распространении систематических и глубоких знаний среди населения. Известны многочисленные прошения служащих казенных учебных заведений о запрещении деятельности частных учителей³⁶.

Воодушевление горожан, проявлявшееся при открытии государственных учебных заведений, быстро проходило, и городские думы отказывались от их содержания. Так произошло с Тобольским главным народным училищем, Кузнецким и Красноярским малыми народными училищами³⁷.

В подобных условиях учитель должен был быть настоящим энтузиастом своего дела. Тем более, что зачастую на него падала не только учебно-воспитательная, но и организационная сторона учебного процесса. Так, например, в 1818 г. определенный на службу в Каинское уездное училище, которое должно было вот-вот открыться, Д.И. Чудинов вынужден был найти и купить подходящий для размещения училища дом³⁸.

При поступлении на службу от претендента на занятие учительской должности требовалось предъявить целый ряд документов. Вот что, например, имел при себе приехавший из Западных губерний учитель Томской гимназии Я. Боссе: свидетельства о крещении, о слушании курса наук (от Совета Дерптского университета), о поведении (от Дерптской полицейской управы благочиния), о том, что «к исключению Боссе из подушного оклада препятствий не имеется» (от Рижского магистрата), копию с представления Совета Дерптского университета попечителю Дерптского учебного округа о сданном Боссе экзамене, подписку о непринадлежности к тайным обществам³⁹.

Учителя должны были обладать широким кругозором, поскольку им приходилось преподавать самые разнообразные дисциплины. В конце XVIII в. программа малых народных училищ

включала чтение, чистописание, грамматику, катехизис, священную историю, арифметику, рисование, чтение книги «О должностях человека и гражданина»⁴⁰; в главных народных училищах изучали Закон Божий, чистописание, рисование, русскую грамматику, арифметику, географию, историю, алгебру, геометрию, естественную историю, гражданскую архитектуру, два новых языка, из которых один – «соседствующий»⁴¹. На практике зачастую наблюдались расхождения с утвержденной программой: например, в Тобольском главном народном училище она не выполнялась ни в одном из четырех классов⁴². В Иркутском главном народном училище, напротив, занимались еще пением, немецким и французским, а также некоторое время – четырьмя восточными языками⁴³. Курс открывавшихся по Уставу 1804 г. уездных училищ включал Закон Божий, катехизис, чтение, чистописание, российскую грамматику, российскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, российскую и всеобщую географию, латинский язык, рисование, до 1819 г. – технологию, физику, естественную историю⁴⁴. Программа гимназий насчитывала до 30-ти предметов и по своей широте превращала их в «маленькие университеты»⁴⁵.

Все это приходилось преподавать 1–2 учителям, находившимся в штате училищ. Закон Божий вел один из местных священнослужителей с одобрения городского общества. В гимназиях, конечно, существовала более узкая специализация учителей.

Перед тем, как вступить в должность, учитель обязан был подтвердить свою квалификацию, сдав экзамен в присутствии 5–6 человек. Однако в условиях дефицита кадров это вовсе не гарантировало высокого уровня знаний всех прошедших испытание. Так, в 1812 г. в Каинское малое народное училище был послан выпускник Тобольской семинарии, который при проверке показал слабые знания, тем не менее, за отсутствием других кандидатур, был все же утвержден учителем⁴⁶. Среди учителей могли быть и люди с незаконченным образованием. Например, в 1839 г. коллежский регистратор Томской казенной палаты Иннокентий Винокуров обратился с прошением к директору томских училищ о предоставлении ему должности учителя русской грамматики в Кузнецком уездном училище. В приложенном к прошению свидетельстве об обучении в Иркутской семинарии в 1828 г. говорилось, что И. Винокуров курс не закончил, а его успехи в науках отмечались как «слабые» и «посредственные»⁴⁷.

В случае нехватки квалифицированных педагогов, обучением могли заниматься образованные люди, не готовившиеся специально к учительской должности, но. Таким был священник енисейской

Преображенской церкви Никита Макаров, в 1818 г. вызвавшийся, кроме Закона Божьего, преподавать все остальные предметы в первом классе местного уездного училища⁴⁸.

При открытии гимназий, в которых уже существовала узкая специализация предметников, стали возникать ситуации, когда учителю могли предложить вести не его профильный, а какой-нибудь другой предмет, если требуемой вакансии не оказывалось. Например, старшему учителю истории Томской гимназии Лукину предложили временно позаниматься латинским языком⁴⁹.

В 1840-х гг. в городских учебных заведениях Томской губернии на людей с высшим светским образованием приходилось 41,7, на закончивших семинарии – 25,0, гимназии – 22,2, уездные училища – 8,3 %. Трое имели «ученую степень»: 2 – действительного студента и 1 – магистра⁵⁰.

С началом планомерного развития системы народного образования в России во всей стране предполагалось введение единого образовательного пространства: всем учителям предлагались одинаковые, специально разработанные училищной комиссией и отпечатанные в С-Петербурге учебники, а также рекомендовались одни и те же приемы обучения: чтение учебников, пересказ прочитанного своими словами. Учитель скорее выполнял контролирующие функции, редко прибегая к объяснению или рассказу⁵¹.

В первой четверти XIX в. в России стали увлекаться новыми методами начального обучения, разработанными Ланкастером и Песталоцци. Эти новшества принесли с собой в Сибирь ссыльные декабристы, приспособившие их не только к обучению грамоте, но и к преподаванию грамматики, географии, истории и других предметов. И.Д. Якушкин организовал в Ялutorвске мужскую и женскую начальные школы, в которых использовал новые методики⁵². В Енисейской губернии находившиеся там ссыльные декабристы Беляевы, Н.А.Крюков, А.И.Якубович, В.Л.Давыдов, Ф.П.Шаховской занимались обучением детей в частном порядке. Последний, занимаясь с детьми в Туруханске, разработал серию методических рекомендаций по начальному обучению детей грамоте. Программа домашней школы Давыдовых впоследствии стала основой программы первой красноярской мужской гимназии⁵³. Лучшие учителя Якутии также вышли из среды ссыльных⁵⁴.

Однако в казенной школе интенсивные методики, требовавшие большого педагогического мастерства, распространения не по-

лучили. Даже в начале XX в. современники отмечали, что в большинстве сибирских школ преподавание ведется «по старинке»: главное внимание в них обращается на более или менее механическое усвоение учащимися обязательного школьного курса»⁵⁵. В конце XVIII – первой половине XIX в. в качестве «обучающего» метода широко использовались телесные наказания: порку по субботам или ежемесячно за плохие отметки и поведение⁵⁶. Часто занятия велись несистематично: например, в Томское малое народное училище ученики принимались непрерывно в течение года и учителям приходилось разбивать их на много групп в соответствии с их уровнем подготовки⁵⁷.

Интересны выражения, которыми учителя характеризовали своих учеников: «туп», «ленив» или, наоборот, «может учиться», «способностей изрядных» и пр.⁵⁸

Несмотря на трудности, сибирская школа все же не стояла на месте, но неуклонно развивалась, вовлекая в учебный процесс все большее число детей. Не оставалась она также в стороне от некоторых интересных нововведений, одним из которых было, например, распространение практики проведения систематических наблюдений за климатом на достаточно серьезном уровне. Сохранилось письмо Томскому гражданскому губернатору за подписью министра народного просвещения от 20 января 1839 г., в котором говорилось: «Академик Императорской Академии наук Купфер довел до моего сведения, что во многих гимназиях и уездных училищах производятся метеорологические наблюдения в особенным усердием, и доставляются ему исправно, но, к сожалению, верность инструментов не соответствует всегда цели этих трудных исследований... Академик Купфер предложил заказать метеорологические инструменты для всех гимназий и училищ, где производятся наблюдения этого рода в инструментальной палате Академии наук, где они могут быть изготовлены, с особым старанием, под его присмотром, поверены и сравнены с находящимися в С. Петербурге им самим... Как в числе мест, в которых производятся метеорологические наблюдения, показаны Академиком Купфером города Томск, Каинск и Кузнецк, то об означенном предложении его имею честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося уведомить меня насчет надобности и возможности приобретения метеорологических инструментов из собственных средств учебных заведений...»⁵⁹

Учитель не только преподавал, но и воспитывал, и отвечал за учеников во время их пребывания в школе. Что это было делом нелегким, видно из доношения учителя Я. Сергиева директору Томской гимназии от 18 февраля 1839 г.: «... воспитанник 1го класса Серапион Максимов... по окончании классов в 6^{ти} часов вечера, при выходе из гимназии был укушен сильно собакою, принадлежащею погребщику Борису Васильеву Шорину, квартирующемуся в подвале дома Гимназии. Разодранное платье и рана на ноге немедленно мною были осмотрены, но хозяин собаки никакого ответа посланному мною сделать не хотел и запер двери...»⁶⁰

Многие учителя, сталкиваясь с материальными и психологическими проблемами, спивались, теряли интерес к преподаванию, деградировали. В 1839 г. смотритель Каинского уездного училища обвинял в недостойном поведении и симулировании болезни учителя А.Я. Якимовского: «Скажите, Бога ради, долго ли вы будете носить на себе бессовестную маску... вы здоровы. А с этим вместе и мараете наш ученый мундир!!! ... Следовательно, вы непременно должны быть в классе»⁶¹. Мемуаристы, обучавшиеся в сибирских гимназиях в 1830–1850-х гг. (И.Т. Калашников, В.Н. Виногооров, П. Буткеев, Н.М. Ядринцев, И.А. Куцевский, Н.Н. Наумов) отмечают распространение в учительской среде пьянства, причем, были случаи умопомешательства и смертельного исхода⁶². Один из них писал про Томскую гимназию 1840–1850-х гг.: «Мы не учились, потому что нам нечему было учиться у наших преподавателей, к которым нельзя даже и применять слова «преподаватель». Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые и сами-то ничего не знали»⁶³. Известны также многочисленные жалобы родителей, отказывавшихся отдавать своих детей в казенные учебные заведения из-за «дурных нравственных наклонностей» работавших там учителей⁶⁴. Несомненно, отчасти эти «дурные наклонности» были реакцией на ту среду и условия, в которых приходилось жить и работать сибирским учителям.

На фоне всего вышеизложенного с особой остротой встает вопрос о качестве обучения в сибирской казенной школе. В середине XIX в. распространенной была точка зрения об отсталости Сибири в области просвещения. И действительно, когда, например, в 1817 г. директор училищ Томской губернии Я.Т. Мензиховский решил провести ревизию Нарымского училища, то оказалось,

что успехи обучавшихся там восьми учеников были настолько слабы, что пришлось отказаться от проведения среди них какого бы то ни было экзамена⁶⁵. Однако существовало и другое мнение, выраженное первым гражданским губернатором Енисейской губернии А.П. Степановым. Он и другие члены красноярского кружка «Беседы о Енисейском крае», сравнивая образование жителей Сибири и Европейской части страны, отмечали более высокий уровень просвещения сибиряков⁶⁶.

Несомненно, многое зависело от личности самого учителя: кто-то делал упор на порку (например, учитель Енисейского малого народного училища Брагин⁶⁷), а кто-то завоевывал любовь и уважение «кроткими и снисходительными поступками» (учитель Красноярского малого народного училища Н. Звонников⁶⁸).

Таким образом, учительство дореформенного сибирского города представляло собой немногочисленную, довольно замкнутую социальную группу, поведение членов которой в значительной мере определялось теми непростыми жизненными условиями, в которых они оказались. Будучи в большинстве своем людьми приезжими, учителя сталкивались с целым рядом проблем, и зачастую адаптация их к новой социальной среде проходила не слишком успешно, что выражалось, в частности, в подорванном здоровье многих учителей и в распространении среди них пьянства. Помимо материальных и бытовых трудностей, учителям приходилось преодолевать и психологическое напряжение, испытывая невнимание и непонимание обществом нужд народной школы. Тяжелое положение сибирского учительства, конечно, не могло не сказываться негативно на организации учебного процесса. Тем не менее, среди учителей было немало настоящих энтузиастов своего дела, благодаря работе которых сибирская школа развивалась и набирала силу.

В приложении приводятся два послужных списка людей, работавших в сфере народного образования в Сибири в первой половине XIX в.: первый – Федора Семеновича Мещерина, чиновника достаточно высокого ранга, занимавшего во второй половине 1840-х гг. пост директора Томской дирекции училищ; второй – рядового учителя, уроженца Сибири Дениса Ивановича Чудинова. Оба документа отложились в фонде Дирекции Томских училищ (ГАТО. Ф. 99) и представляют собой от руки заполненные таблицы из 9 колонок, в которых, согласно существовавшим правилам, вносились биографические данные служащих. Данные

колонок об участии в боевых действиях, о нахождении под следствием и пр., в которых записано «не был» или стоят прочерки, опущены. Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами.

Приложение 1

Формулярный список Ф.И. Мещерина

(Л. 1 об.)

Надворный советник Федор Семенов сын Мещерин, Директор училищ Томской губернии. 40 лет. Православного вероисповедания. Получает жалования: штатных 714 руб. 28 ½ коп., добавочного 228 р. 57 коп.; квартирных 171 руб. 42 ¾ к.; на разъезды 214 р. 50 коп. серебром.

Из духовного звания, сын церковнослужителя.

По окончании в Московской Духовной Академии курса наук, возведен на степень магистра и определен в Рязанскую семинарию профессором по 2^{му} классу словесности.

Определен в должность учителя в рязанское училище для детей канцелярских служителей.

Попечительством одного училища за деятельное участие в образовании вверенного ему юношества изъявлена ему полная благодарность.

За ревностное и деятельное прохождение должности, от лица Академического правления изъявлено ему одобрение.

Вследствие представления Его Высокопреосвященства Гавриила Архиепископа Рязанского и // *(Л. 2 об.)*

Зарайского от 23 мая 1839 года по болезненному состоянию в июле того же года уволен от данного им обязательства поступить в духовное звание без взыскания полученных им до сего времени классных денег, со вменением оных в награду отлично ревностной его службы и по прошению его перемещен в Департамент путей сообщения и публичных зданий старшим помощником столоначальника.

По отношению Министра юстиции к Обер-прокурору Святейшего Синода от 14 декабря 1839 года и определению правительствующего // *(Л. 3 об.)*

Сената от 17 марта того же года утвержден в чине коллежского асессора, на основании 406 ст. III том. Св. Зак., со старшинством со дня выслуги при семинарии шести лет.

С образованием двух департаментов Главного управления путей сообщения и публичных зданий, на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного в 29^м день октября 1839 года штата остался во II отделении 2го Департамента в той же должности.

Из оного по прошению уволен для поступления на службу по другому ведомству.

Согласно прошению причислен к Департаменту Министерства юстиции, в присутствии // (Л. 4 об.)

для занятий и делам службы к 1^{му} отделению сего Департамента.

Определением Правительствующего Сената 5го марта 1843 года. Состоявшимся произведен в надворные Советники со старшинством.

По неполучению им при настоящих занятиях содержания, в награду особенно усердной и полезной его службы, по приказанию Министра юстиции выдано ему в пособие 250 руб. серебром из остаточных сумм Санкт-Петербургской Сенатской типографии.

Определен старшим помощником столоначальника.

Определен столоначальником. // (Л. 5 об.)

Причислен к Департаменту Министерства юстиции.

Определен Директором училищ Томской губернии.

ГАТО. Ф. 99. Оп. 2. Д. 6а. Л. 1 об. – 5 об.

Приложение 2

Формулярный список Д.И. Чудинова

(Л. 292 об.)

Имеющегося открыться Каинского уездного училища предназначенный смотрителем учитель Денис Иванов сын Чудинов. От роду имеет 32 года. Из купеческих детей.

На предмет учительской службы на основании Высочайшего устава народных училищ 10го п. в Тарское народное училище обучаться вступил 1796 ноября 17, где обучался сначала положенным во оном учебным предметам потом учебному методу и прочим вышним наукам преподаваемым в [...] учебных заведениях, кои кончил все исправно и достаточно в чем за подписанием гг. смотрителя училища 7го класса и кавалера Зеленова и учителя титулярного советника Слобцова дан ему аттестат 1804го-года октября 7го-ч. за № 2^м. По каковому предмету теми гг. смотрителем и учителем и был представлен в Тобольском главном училище при общем собрании г. правящего должность директора Протопопова и учителей на учительском испытании. При чем оказался во всех преподаваемых ему науках и учебной методе достаточным и на учительскую должность способным, что с наименованием Чудинова кандидатом засвидетельствовал учителю Слобцову г.

означенный Протопопов предписанием от 18го ч. того же ноября. И потому Чудинов за 1805^й год в ведомости и был Словоц-вым означен кандидатом. Согласно тому тарское купеческое и ме-щанское общество 1806го года генваря 25го ч. на вступление его в статскую службу Императорского Величества уволило с похваль-ным одобрением. По предмету какового происхождения и отбытию учителя Словоца в другой род службы по приказанию г. означен-ного смотрителя к обязанности своей вступил он Чудинов в Тар-ском уездном училище на штатном положении устава народных училищ исправлять должность учительскую 1805 марта 5.

Какую должность и отправлял добропорядочно как тре-бовал долг учителя в чем за подписанием г. Тарского городничего Зеленаго дано ему того же 1806 ноября 6го дня свидетельство и по-том по предписанию его превосходительства г. попечителя Казан-ского учебного округа и кавалера Руковского определен настоя-щим по штату в то училище учителем 1го и 2го класса того ж 1806 ноября 5. В течение же службы при том училище сверх учитель-ской должности по смерти Тарского г. городничего и училища смотрителя 7го класса Кривоногова с 1812 декабря 5 по 1^е число июня 1814го года управлял должностию и делами смотрительскими без всякого упущения. Причем за замеченные на публичных испы-таниях ученические успехи и рачительность к учительской должно-сти от пребывающих в Таре чиновников чиновников и почетных духовных особ за собственным их подписанием дано ему 1813го года июля 8го дня вроде аттестата свидетельство. И по таковым от-личным одобрениям одобрениям рачительного успеха в отправле-нии должности в течении означенной службы испытан в способно-стях к ... Его Высокопревосходительством г. действительным тай-ным советником сенатором министром народного просвещения графом и кавалером мовским и на основании Высочайшего указа состоявшегося в 12^й день генваря 1812го года указом за № 942^м Пра-вительствующего Сената 1го-департамента с означением всех лет означенной службы и приписанных похвальных одобрений в учеб-ной службе утвержден 1816 генваря 12. Потом вторично по смене Тарского г. городничего и училища смотрителя 7го класса Домен-тианова с 1816 марта 25 по 30^е число декабря того же года управ-лял должностию и делами смотрительскими без всякого упущения за какую его службу при Тарском народном училище и добропо-рядочное поведение от пребывающих в Таре чиновников,

духовных особ и некоторых почетных граждан за собственноручным их подписанием и за свидетельством Тарского уездного суда того же 20го числа декабря дано ему свидетельство с коего копия с прочими таковыми же с прописанных аттестатов при сем прилагается. И после того по воле начальства при Тобольской гимназии в Богоявленском приходском училище с 1817 генваря 1 отправлял должность учительскую с должною исправностию по 12^с ч. Декабря 1818. И наконец по изъявленному им усердию на пожертвование Томской губернии в городе Каинске под имеющееся открыться уездное училище дома и прочих пособий по предписанию училищного комитета Императорского казанского университета сего 1818 генваря 12 с засвидетельствованием ему за то усердие от того комитета признательности переведен в означенную губернию с предназначением по штату означенной службы в то имеющееся открыться Каинское уездное училище смотрителем с отправлением должности классного и рисовального учителя с полным по штату тех должностей жалованием. // (Л. 293)

Женат, имеет при себе трех дочерей Елисавету 6, Александру 3^х лет и Марью 3^х месяцев. // (Л. 294)

Копия

Аттестат.

Тарского малого народного училища ученик второго класса Денис Иванов сын Чудинов обучался предметам Главных училищ классов с успехом и прилежанием кончил, как положенные в оных классах учебные предметы, так и полную оных методу исправно и достаточно, и во все время учебы своей вел себя добропорядочно и смиренно. В чем ему с таковою похвалою и дан сей аттестат за подписанием Господина смотрителя [училищ]а и учителя октября 7го дня 1804го года.

[На подлин]ном подписали:

Городничий и смотритель училища 7го класса и кавалер Зеленой.

Учитель титулярный советник Иван Словцов.

Копия

Свидетельство.

1806го года ноября 6го дня дано сие бывшему в Тарском малом народном училище за отбытием учителя Словцова к другим должностям в учительской должности старшему ученику и в

ведомостях показывающемуся кандидатом Тарскому гражданину Денису Чудинову в том, что находился он Чудинов по отбытии того Словцова с 5го марта и по 5^е-число ноября сего года в должности учителя исправным и в преподавании учебных предметов по силе положенных училищных правил, и во всем вел себя как долг учителя требовал добропорядочно, в чем сим и свидетельствую.

На подлинном подписал:

Городничий Зеленой.

ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 10. Л. 292 об. – 294.

Примечания

1. См., например: Кузнецова М.В. Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX веков). – Иркутск, 2000; Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России (XVIII в. – 30-е годы XX в.). – Барнаул, 2001; Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX века. – Красноярск, 2004; Сулимов В.С. Светское школьное образование Тобольской губернии конца XIX – начала XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Барнаул, 2006; Жеравина А.Н. Из истории гимназического образования в Томске // Вестник ТГУ, №276. – Томск, 2003. – С. 195–204.
2. Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 85–86.
3. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Ново-Николаевск, 1923. – С. 45 – 46; Кузнецова М.В. Иркутская школа... – С. 34.
4. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 10. Л. 292 об. – 293.
5. Жеравина А.Н. Из истории гимназического образования... – С. 195.
6. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5 об.
7. Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 60. Л. 108.
8. Там же. Л. 217–217 об.
9. Там же. Л. 4–6 об.
10. Там же. Д. 5. Л. 42 об. – 43.
11. Там же. Д. 10. Л. 279 об. – 280 об.
12. Там же. Л. 289 об.
13. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 45–46.
14. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 10. Л. 292 об.
15. Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Д. 10. Л. 53–53 об., 255 об., 279 об.; Д. 11. Л. 120–120 об.

16. Там же. Д. 67. Л. 2–8.
17. Чапоргина Н.А. Общеобразовательная школа Восточной Сибири как фактор социокультурного развития края (на материале пореформенного периода XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1995. – С. 16.
18. Флит Н.В. Народное образование в России в начале XIX столетия (на материалах С-Петербургского учебного округа). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Л., 1988. – С. 9.
19. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. – Томск, 1913. – С. 14.
20. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 60. Л. 118–118 об.
21. Там же. Д. 10. Л. 142.
22. Флит Н.В. Народное образование... – С. 11.
23. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 142. Л. 112, 127–127 об.
24. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. – Томск, 1957. – Т. II. – С. 61–62.
25. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
26. Там же. Д. 60. Л. 4–6 об.
27. Там же. Д. 11. Л. 120–120 об., 144–144 об.
28. Там же. Л. 142.
29. Там же. Д. 10. Л. 78–78 об.
30. Там же. Д. 60. Л. 71–72.
31. Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы... – С. 39.
32. Копылов А.Н. Культура русского населения... – С. 92, 96.
33. ГАТО. Ф. 99. Д. 1. Л. 33, 37–38.
34. ЕГА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 101 об. – 102.
35. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. – М., 1902.
36. См., например: Волчек В.А., Овчинников В.А. Школа в провинции // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово, 1993. – С. 29; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М, 1995. – С. 65.
37. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995. – С. 64–65.
38. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
39. Там же. Д. 60. Л. 217–217 об.
40. Бибикина В.В. Роль частной и общественной инициативы... – С. 39.
41. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 48.
42. Там же. – С. 44.
43. Кузнецова М.В. Иркутская школа... – С. 35.
44. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 17. Л. 7 об. – 9.
45. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 51.
46. Там же. – С. 46.
47. ГАТО. Ф. 99. Д. 10. Л. 244 а – 244 б.
48. Там же. Д. 67. Л. 53
49. Там же. Д. 60. Л. 124.
50. Там же. Д. 67. Л. 2–8.

51. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 48; Кузнецова М.В. Иркутская школа... – С. 36.
52. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. – М., 1953. –С. 92.
53. Терская Л.А. Декабристы в Приенисейском крае: мировоззрение и деятельность. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 1991. – С. 17.
54. Попов Г.А. Очерки по истории Якутии. – Якутск, 1924. – С. 105.
55. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири... – С. 62.
56. Севильгаев Г.Ф. Народное образование... – С. 103.
57. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 44.
58. ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
59. Там же. Д. 60. Л. 105–106.
60. Там же. Л. 84.
61. Там же. Л. 73–73 об.
62. Юрцовский Н.С. Очерки... – С. 79.
63. Саврасова Т.В. Средние учебные заведения в Томске // Образование в Сибири. – № 1, 1995. – Томск, 1995. – С. 120.
64. Краткие сведения по истории дирекции училищ... – С. 7.
65. Там же. – С. 9.
66. Чернышова Н.К. Красноярский кружок в общественной жизни Сибири 20–30-х гг. XIX в. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Новосибирск, 1982. – С. 18.
67. Кытманов, с.229.
68. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). – Красноярск, 1990. – С. 85.